

© 2010 г. И.П. Чередниченко

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Человек живет в реальном физическом пространстве, которое целостно и едино для всех существ, в нем обитающих. Однако применительно к индивидуальному существованию можно говорить о таких пространствах, которые определяют жизнедеятельность конкретного человека. Это – социальное пространство и экзистенциальное пространство. В статье рассматриваются особенности экзистенциального опыта, который индивид получает в результате пребывания в экзистенциальном пространстве.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт, существование, диспозиция, экзистенциальное пространство, социальное пространство, экзистенция, подлинное и неподлинное существование, жизнь, смерть, индивид, личность.

Опыт как извлечение уроков из прошедших событий характерен для всего живого, так как он является основой научения: от элементарных условных рефлексов до формирования способности выстраивать алгоритмические цепочки. Именно поэтому очень многие мыслители как прошлого, так и настоящего касались и касаются данной проблемы, предлагая к рассмотрению наиболее интересные ее составляющие. Особо хотелось бы выделить философские размышления экзистенциалистского направления, касающихся таких аспектов как подлинность и неподлинность (М. Хайдеггер), коэкзистенция (Г. Марсель), пограничные ситуации (К. Ясперс), крайние переживания (С. Кьеркегор), замусоренность пространства существования (М. Мерло-Понти), выбор и подлинная судьба (Н. Аббаньяно), историчность опыта (О.Ф. Больнов), внутренняя родина (Г. Кунц), бытие в мире и обыденность существования (Ж.-П. Сартр), опыт и традиции (Х. Арндт), субъектность опыта (Н.А. Бердяев) и др. Данная проблема не обойдена вниманием и на современном этапе развития российской философии. Интересны точки зрения таких философов, как Т.А. Кузьмина, Р.А. Аронов, Т.П. Берсенева, С.А. Борчиков, В.Л. Лехциер, Е.В. Золотухина-Аболина и др.; таких психоло-

гов, как К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржева, Ф.Е. Василюк, М.С. Гусельцева, А.Г. Зайцев, Г.К. Зайцев, М.Г. Дмитриев, В.Г. Белов, О.Г. Калина, А.Б. Холмогорова и др.; и таких социологов как С.И. Григорьев, П.С. Кузнецов, Г.И. Козырев, Б.И. Клейнер и др., которые проанализировали истоки опыта, его онтологическую сущность и значение для индивида.

В научной литературе утвердилось мнение, что опыт приобретается и используется в аналогичных ситуациях: опыт подлинного существования непригоден для повседневной жизни, а опыт неподлинного существования не может быть реализован в экстремальных ситуациях, требующих полного погружения в них и полного их переживания. Предположим, что опыт представляет собой неоднородное образование, состоящее, как минимум, из двух несмешиваемых видов: социального и экзистенциального, которые человек может получать, находясь либо в социальном, либо в экзистенциальном пространствах. Носителями этого опыта, в свою очередь, являются две подструктуры целостного Я человека: социальное Я и сокровенное Я. Рассмотрим опыт в системе жизнедеятельности человека, его познания окружающего мира и деятельности в нем. В опыте отражается все: и важное, и неважное. Играет роль, во-первых, повторяемость, а во-вторых, эмоциональная напряженность. Закрепляясь в виде некой схемы, способствующей выживанию или процветанию, либо наоборот, когда так называемый «горький» опыт приводит к негативным последствиям, опыт облегчает регуляцию поведения индивида в сходных условиях. Шлифуясь и варьируя, поведение человека становится в таких условиях оптимальным для его жизнедеятельности, хотя опыт и не всегда реализуется в нужных ситуациях. Опыт получается в определенных условиях существования: пространстве, движении и времени, но с обязательным условием особенностей человека, данный опыт получающего. Психологические исследования свидетельствуют, что уже в процессе восприятия в полной мере задействуется мышление, структурирующее поступающие сигналы, формирующее целостный образ, размещающее его в системе диспозиций и значимости, формируя так называемое предумозаключение [1 5]. В результате в сходных ситуациях разные люди не только действуют по-разному, но и по-разному воспринимают окружающий мир, выделяя главное и отбрасывая второстепенное. Мало того, одну и ту же ситуацию тот же самый

человек может воспринять по-разному в зависимости от событий, которые данному моменту предшествовали. И действовать соответствующим образом. Есть действия обыденные, которые заданы социальной ролью, регулирующиеся социальными нормами и поддерживаемые социальным контролем. С психологической точки зрения действия в рамках социальных ролей определяются социальными установками. Здесь все четко распределено и практически не требует рефлексивных усилий со стороны субъекта.

Но иногда все смешивается, и человек теряет социальный ориентир. Ему не хватает опыта, полученного ранее, или полученного и переданного другими людьми. Человек оказывается вовлеченным в пограничную ситуацию, за которой – Неведомое. Иными словами, существует опыт предельных состояний, характеризующихся подлинностью протекания и усиленной рефлексией, так называемый экзистенциальный опыт. Вместе с социальным опытом он и составляет целостность опыта жизни человека. Кроме того, по мнению Т.А. Кузьминой, именно экзистенциальный опыт есть ядро всякой серьезной философии [2]. Очень тонко прочувствовал разницу между экзистенциальным и социальным опытом А.Г. Спиркин, который утверждает, что в отличие от научного мышления, исходящего из теоретических принципов, экзистенциальное мышление связано с внутренней духовной жизнью личности, с ее интимнейшими переживаниями: именно такое мышление только и может быть подлинно конкретным, имеющим настоящий человеческий смысл [3]. Спиркин подчеркивает, что субъективный экзистенциальный мыслитель существует в своем мышлении [3]. В противоположность обывателю, плывущему по течению социальных схем, К.Г. Юнг убедительно доказал, что в структуре личности имеются социально ориентированные и индивидуально ориентированные подструктуры, с их сложными взаимосвязями и взаимозависимостью [4]. Задача человека, по Юнгу, состоит в том, чтобы пройти путь индивидуации – от Я («Эго») и сокровенному Я («Самости»). Иными словами, развитие человека – это путь, Дао. Возникает вопрос: где этот путь проложен? Или: где он в принципе может быть проложен? Движение не может существовать без пространства. Напрашивается естественный ответ: путь индивидуации осуществляется в пространстве существования личности. Тогда можно задаться следующим вопросом: каков критерий принадлежности опыта Персоне или Самости? Что идет на пользу Персоне, а что – Самости? Или

любое воздействие среды, в том числе и социальной, одновременно влияет на развитие обеих структур и заполняет архетипическое «русло» рек? Почему, в таком случае, информация разделяется, а, главное, как она это делает? Ответить на подобные вопросы, исходя из единой, цельной, хоть и противоречивой, реальности, скорее всего, не удастся.

При анализе биографических данных выдающихся людей можно обратить внимание на то, что в значительной степени на их личностное развитие оказывали влияние те случаи, когда они оказывались, рассуждая в терминах М. Хайдеггера, в «просвете бытия». Иными словами, человек выпадает из социального пространства, т.е. пространства, в котором он существует сообразно правилам, очерченным социумом, в котором отдает себе отчет, и на основании которого совершает действия, способствующие личностной успешности. Но он не может «выпасть» в никуда, и, следовательно, должно быть иное пространство, с иными характеристиками, в котором существует иной опыт, используемый в двух, как минимум, случаях: в развитии сокровенного Я и в «настройке» личности как Я социального. Это пространство, как параллельный мир, сосуществует с социальным, мало того, разворачивается в том же физическом пространстве, но его свойства изменяет сам субъект. Здесь мы, в традиции Юнга, говорим о пространствах, в которых человек может ощущать, чувствовать, мыслить и действовать [5]. С большой долей вероятности можно предположить, что личность в процессе жизнедеятельности может не просто акцентироваться на том или ином элементе структуры пространства, в котором существует физически, но и перемещаться из одного личностного пространства в другое, в каждом из которых своя структура, свои приоритеты, ценности, возможности и перспективы. Эти пространства не смешиваемы, хотя и имеют точки соприкосновения, являющиеся одновременно и порталами перехода. Данные пространства можно обозначить как социальное и экзистенциальное. Социальное пространство (термин введен П.А. Сорокиным) – это такое пространство, в котором может распространяться сфера взаимовлияния «Я» человека и социума. В него могут входить другие люди, целые народы, элементы культуры и даже отдельные предметы, отражающие статусное положение человека или имеющие для него личностную значимость. Экзистенциальное пространство – пространство подлинного существования человека, в котором сосредоточены его истинные цели, ценности,

переживания, а также матрица подлинного жизненного пути, пройденного до настоящего времени жизни человека. Эти пространства располагаются в одной физической реальности, но для индивида они не смешиваемы, потому что в них он действует по-разному, чувствует по-разному, воспринимает по-разному, а составляющие этого пространства имеют не только разное значение, но и разную функциональную природу.

В экзистенциальное пространство человек «вбрасывается», в результате чего происходят изменения, как минимум, в четырех направлениях:

- 1) изменяется сам человек в его свойствах;
- 2) изменяется точка отсчета данного пространства;
- 3) изменяется само пространство;
- 4) изменяются условия и способ реагирования на окружение, в том числе и на других людей;
- 5) изменяются последствия опыта.

Изменение человека касается его телесности и духовности. Люди всеми силами стремятся оторваться от своего животного начала, разделяя человека на тело и душу. Но тело существует и в экзистенциальном пространстве. Мало того, именно телу угрожает непосредственная опасность, и именно тело испытывает наслаждение вдохновением. В экзистенциальное пространство попадает не только высоколобый интеллигент, но и аутист, не способный ориентироваться в пространстве социальном. М. Хайдеггер предлагает для процесса познания окружающего мира такой уникальный инструмент как «чутье», которое означает «разум», выходящий за пределы ограниченного рассудка. Чутье, по Хайдеггеру, есть соразмерная сверхчеловечеству сверхспособность интеллекта к абсолютно полному просчету в отношении всего [6]. Хайдеггер акцентирует свое внимание на том, что чутье имеется и у животных, а, следовательно, необходимость чутья как черты человека означает, что в него входит и «недочеловечество». Кроме того, в экзистенциальном пространстве могут реализоваться такие способности человека, о которых он и не подозревал: например, юная девушка, нагруженная тяжелым альпинистским рюкзаком, убегая от медведя, совершает двухметровый прыжок над пропастью; женщина, спасая ребенка, поднимает телегу; старик в считанные секунды выскакивает из-под колес поезда и т.д. Ученые объясняют подобные феномены мобилизацией резервных сил организма [7].

Одной из важнейших характеристик экзистенции является неустойчивость, поскольку именно такое состояние способно вызвать высоко мотивированную активность индивида. И экзистенциальный опыт приобретается тоже в неустойчивом состоянии: экстремальной ситуацией, серьезной болезнью (или болезнью, вызывающей боль), временным помутнением рассудка. Например, экзистенциальная значимость опыта боли, по мнению В.Л. Лехциера, в том и состоит, что он реализует структуру «переживания», необходимо присущую человеческой экзистенции, структуру, которая нуждается уже в специальном рассмотрении в рамках экзистенциальной аналитики переходности. Опыт боли как самочувствие открывает человеку его самого, как плоть, так и существование в целом. Боль не переносима на кого-то другого. Ортега-и-Гассет пишет о том, что если начинает что-то болеть, то тем самым оно как бы становится нашим. Отсюда, как замечает Ортега-и-Гассет, происходит феномен привязанности человека к своим болячкам. Иное дело – патология психическая. Здесь паттерны поведения совершенно иные. Именно в патологии нагляднее всего фиксируется переход из экзистенциального пространства в социальное. Вспомним знаменитый фильм «Человек дождя», герой которого, страдающий аутизмом, был связан с окружающим миром посредством жестко закрепленных привычек типа телевизионного ток-шоу, которое смотрел в строго определенное время.

М. Мерло-Понти так описывает особенность использования опыта больным шизофренией: «Понимание числа у Шнайдера поражено лишь в той мере, в какой оно безоговорочно предполагает способность разворачивать прошлое, чтобы идти к будущему. Поражена как раз эта экзистенциальная база мыслительной способности — в гораздо большей степени, чем она сама, ибо, как это было показано, в общем мышление Шнайдера безупречно: его ответы неторопливы, всегда осмысленны, они принадлежат зрелому, вдумчивому человеку, интересующемуся экспериментами врача. Под мыслительной способностью как анонимной функцией или категориальной операцией надо разглядеть личностное ядро — бытие больного, его способность существовать. Именно там коренится болезнь. Шнайдер хотел бы сформировать себе политические или религиозные взгляды, но он знает, что пробовать бесполезно. «Сейчас он вынужден довольствоваться массовыми убеждениями, не будучи способным их выразить». Он никогда не напевает и не насвисты-

вает просто так. Он никогда... не проявляет сексуальной инициативы. Никогда не выходит, чтобы прогуляться, всегда – чтобы куда-то сходить, и, проходя мимо дома профессора Гольдштейна, не узнает его, «так как, выходя, он не собирался туда идти» [8].

Опыт патопсихологического поведения с известной степенью условности может быть назван экзистенциальным, если бы не одно «но»: это не опыт сокровенного Я, которое в разрушенной личности больного практически не присутствует. Точка отсчета любого пространства одновременно является и критерием пребывания в нем. Экзистенциальный опыт, согласимся с Т.А. Кузьминой, есть оживление и актуализация этого априорного знания, которое в данном случае становится знанием конкретным и содержательным. Точкой отсчета в социальном пространстве является социальная группа (хотя П.А. Сорокин допускает, что точкой отсчета здесь может быть и личность, но тогда личность должна пониматься как социальный актер, значимость которого определяется исполнением социальной роли). Человек мыслит себя через восприятие собственной личности другими людьми, принимает их цели, ценности и образ жизни. Ценность человека в совокупности его свойств имеет место в пространстве социальном, что обуславливает общение. Но конкретно-утвержденная ценность человека и моя-для-себя ценность, указывает М.М. Бахтин, коренным образом различны [9]. И опыт Другого, который может быть познан в рациональной форме, также не является экзистенциальным. В экзистенциальном пространстве точкой отсчета является сокровенное Я. Именно поэтому экзистенциальный опыт не предполагает наличия Другого как субъекта действия. Другой здесь – часть ситуации, в которой находится человек. Возможно, в этом секрет знаменитой фразы А. Камю: «Все люди на свете – избранные. Других не существует. Рано или поздно всех осудят и приговорят» [10]. Степень осуждения здесь не измеряется строгими мерками Уголовного кодекса, а определяется значимостью поступка по отношению к себе и другим.

При некоторой активности Другому может удастся проникнуть в экзистенциальное пространство, но в процессе проникновения он обязательно потеряет часть своих свойств. Это такие свойства, которые не являются важными для экзистенции:

1) физические свойства, которые не вызывают эмоционального отклика в виде отторжения («Я не хочу видеть себя таким») или в виде принятия («Я хочу видеть себя таким»);

2) привычки и опыт, которые не задевают экзистенцию, т.е. не требуют смещения приоритетов в перспективе («Давай сходим на ипподром – там за один раз можно выиграть кучу денег»);

3) особенности протекания психических процессов за исключением выдающихся (феноменальная память, буйная фантазия и т.п.);

4) особенности характера, имеющие отношение к интимным переживаниям, и, как правило, не выставляемые напоказ;

5) неосознанные мотивы деятельности (влечения, установки).

Что же остается? В общем виде это воля, эмоции и чувства, направленность в виде осознанных мотивов, основные свойства характера, проявляющиеся в отношениях к себе, другим людям, к миру, труду, моральные качества личности, физические свойства (желаемые и нежелательные), уникальные способности, знания и умения, которые импонируют экзистенции, свойства темперамента и особенности поведенческих реакций в межличностных отношениях (вербальное и невербальное общение, агрессивность и толерантность, застенчивость и раскованность и т.п.). Но Другой может быть катализатором экзистенциального опыта. И это – особый Другой. Человек, который, по определению М. Бубера, становится Ты [11] – как высшая ценность, чей опыт эмпатически со-переживается как свой собственный. Противоречие в значимости Другого для развития личности хорошо выразил Э. Фромм, который указывал, что человек как общественное существо испытывает глубокую потребность делиться с другими, помогать им, ощущать себя членом группы, но зачастую, особенно в современном обществе, он чувствует отчуждение, которое пронизывает отношение человека к своей работе, в потребляемых вещах, к государству, к своим ближним и к самому себе. Иногда отчуждение достигает такой величины, что человек начинает испытывать отчуждение и от самого себя, мало того, начинает ощущать себя как нечто чуждое, не чувствует себя центром своего мира, ответственным за свои поступки [12]. Человек перестает ощущать свое Сокровенное Я как средоточие целостности личности. Такой симптом, называемый «диссоциативным расстройством» наблюдается в психопатологии. Но такое ощущение может быть и у человека,

рефлексирующего над своими поступками и осознающего манипулятивное воздействие социума практически во всем обыденном существовании.

Особенности пространства. Экзистенциальный опыт получается в экзистенциальном пространстве, в которое «вбрасывается человек», следовательно, без осознанного намерения. Экзистенциальное пространство представляет собой область допустимых диспозиций, в которых проявляется экзистенция. Экзистенциальное пространство не имеет четких границ и не определяется реальностью бытия. В него включаются как внутренние картины реальных ситуаций, так и фантазии, сны и измененные состояния сознания. Очень точно данное явление описал М. Хайдеггер, который указывал, что, как сущее, человек принадлежит к цельности бытия. Принадлежать – значит быть внедренным в бытие. Но, подчеркивает Хайдеггер, отличительная черта заключается человека в том, что он, как мыслящая сущность, открытая бытию, стоит перед бытием, с бытием соотносится и ему таким образом соответствует. Человек, делает вывод Хайдеггер, есть именно это отношение соответствия, хотя это не означает, что бытие полагается впервые и исключительно через человека. Человек и бытие, по Хайдеггеру, вверены друг другу, принадлежат друг другу, и именно это обстоятельство определяет цельность личности в Со-бытии. И это Со-бытие формирует пространство, в которое включается вся область человеческих способностей. Всем известен «арзамасский ужас», который испытал Лев Толстой в сентябре 1869 года. Арзамас был необычным городом. Все в нем было не так: дома слишком белые, топот лошадиных копыт слишком звонким, гардинки на окне слишком красными. Бессонной ночью он встретился с Небытием. Он чувствовал, что от кого-то убегает, и не мог понять, от чего он убегает: «Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я, вот он, я весь тут. Ни пензенское, никакое имение ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе». Он спросил себя: «Чего я тоскую, чего боюсь?

– Меня, неслышно отвечал голос смерти. Я тут. – Мороз продрал меня по коже».

Толстой перед лицом внезапно проявившейся смерти осознал всю бездну отчаяния, и одновременно осознал подлинность своего существования в этом экзистенциальном бело-прозрачно-звонком пространстве: «...ужас красный, белый, квадратный...». Здесь – то же физическое пространство и одновремен-

но другой мир, который с известной степенью смелости можно назвать параллельным. Мир, в котором царят другие законы, в котором человек реализуется не так, как в обыденности. Человек не может быть безучастным по отношению к миру, в котором живет, и его способ реагирования проявляется в эмоциях и поступках. Экзистенциальный опыт, в силу своей погруженности в «здесь и теперь», фотографически фиксируется в сознании индивида и изменяет паттерн поведения, как бы «вправляя» вывихнутый сустав, устанавливая его так, как должно, в соответствии с основной линией жизни. Это происходит в условиях полного принятия ситуации, без колебаний и отраженного самоотношения (через отношение других людей). Человек приобретает уверенность внутренней правоты, достигает полного понимания сверхзадачи ситуации, в которую погружен и которая высвечивается для него предельно четко, структурно и в то же время достаточно символично, чтобы он мог не только ее рассмотреть, но и постичь ее суть. Одновременно человек познает и свои сверхвозможности, которые проявляются в экзистенциальном опыте, в ответственном поступке. По мнению М.М. Бахтина, ответственный поступок – это поступок на основе признания должествующей единственности. Это утверждение не-алиби в бытии и есть основа действительной нудительной данности-заданности жизни. Только не-алиби в бытии превращает пустую возможность в ответственный действительный поступок (через эмоционально-волевое отнесение к себе как активному). Это живой факт изначального поступка, впервые создающий ответственный поступок, его действительную тяжесть, принудительность, основа жизни как поступка, ибо действительно быть в жизни – значит поступать, быть не индифферентным к единственному целому. Утвердить факт своей единственной незаменимой причастности бытию – значит войти в бытие именно там, где оно не равно себе самому – войти в событие бытия [9]. В противоположность экзистенциальному, в социальном пространстве ответственный поступок, продиктованный требованием сокровенного Я, – скорее девиация, чем норма. Социум подкрепляет конформное поведение, не подрывающее его устоев, направленное на закрепление паттернов поведения законопослушных налогоплательщиков.

Последствия получения экзистенциального опыта можно разделить на две группы. Первая имеет отношение к индивиду и только к нему. Из такого опыта он извлекает хороший урок и надолго его запоминает (например, раз

ожегшись, к огню больше не прикасается). В социальном пространстве собственный экзистенциальный опыт соединяется с опытом других людей, образуя вторую группу последствий, которые вбирают совокупность потребностей, интересов, мировоззрения, целей, ценностей, интересов, влечений и установок. Извлечь урок из такого опыта очень сложно, поскольку здесь не имеется имплицитной зависимости причины и следствия. Помимо направленности активности личности имеются еще также ситуативные моменты (причем, для обеих сторон) как состояние здоровья, настроение, произвольное отвлечение внимания, внезапно возникающие оперативные цели и многое другое. Учитывая эту разницу, человек вновь и вновь будет пытаться реализовать одни и те же действия, ожидая получить иной результат, пока ситуация не станет окончательно невозможной: все варианты пройдены и ни один не сработал. Тогда индивид либо меняет тактику общения (вплоть до разрыва), либо, обвиняя себя, постарается что-то в себе исправить, что у него далеко не всегда получается. Конечно, каждый акт общения с одним и тем же человеком подвергается корректировке, но она невелика и подавляется диспозицией индивидов по отношению друг к другу. Например, подростки изменяют свою личностную диспозицию с помощью конфликтов. Но, проявляя подобную агрессию, подросток деконструирует отношения, заставляя родителей отступить от своей позиции, причем действует достаточно целенаправленно и жестко. Как же человек может понять свой экзистенциальный опыт, чтобы впоследствии эффективно использовать его? Ведь экзистенция выражает единственность, уникальность жизни каждого человека, и, рассуждая о ней, мы должны оперировать логическими понятиями, выводить умозаключения из выстроенных в рамках логики суждений. Скорее всего, в полной мере человек никогда этого сделать не сможет, ибо экзистенциальный опыт получается в несознательном состоянии. Он в принципе осмысливается, но не сразу, а потом, когда человек уже «выбросится» из экзистенциального пространства в социальное. Таким образом, это будет осмысление не во время процесса, а после него, следовательно, будет содержать не столько факты, сколько их интерпретацию, прочно увязанную с уже пережитыми человеком ситуациями, либо с ситуациями, свидетелем которых он был. Здесь актуализируется и опыт других людей, которые наперебой предлагают свои варианты интерпретации, в результате чего человек пытается осмыслить ситуацию с

разных точек зрения, в которых, однако, мы уже не обнаружим точку зрения сокровенного Я.

Таким образом, социальный и экзистенциальный опыты человека – получают в соответствующих пространствах, и в них же и работают. Даже в процессе сопереживания сокровенное Я обновляет нечто только в себе, заявляет о своей готовности привнести в мир нечто новое, непознанное, принципиально индивидуальное, что невозможно наложить на другую личность, а тем более – выразить в словах и эмоционально.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фресс П., Пиаже Ж.* Экспериментальная психология. Вып. 6. Восприятие. М., 1978.
2. *Кузьмина Т.А.* Экзистенциальный опыт и философия.
3. *Спиркин А.Г.* Основы философии. М., 1988.
4. *Фэйдимен Дж., Фрейгер Р.* Аналитическая психология Карла Юнга // Теория и практика личностно-ориентированной психологии. Т. 1. М., 1996.
5. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. СПб., 2002.
6. *Хайдеггер М.* Преодоление метафизики. М., 1993.
7. *Гримак Л.П.* Резервы человеческой психики. М., 1987.
8. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
9. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986.
10. *Камю А.* Посторонний. М., 1993.
11. *Бубер М.* Я и Ты // Два образа веры. М., 1999.
12. *Фромм Э.* Личность в современной культуре // Теории личности в западно-европейской и американской психологии. Самара, 1996.